

Пэй Чан медленно выдохнул и повернулся. Лицо его оставалось абсолютно бесстрастным, когда он направился к существу.

В кармане брюк лежали исписанные убористым шрифтом листы — подробный отчет о том, как человек превращался в то, чем он стал теперь. Этот кошмар длился долго, и тот год, описанный в бумагах, возможно, был далеко не самым страшным. Пэй Чан искренне не понимал, как после стольких нечеловеческих мук в ком-то еще может теплиться желание жить.

Он опустил на корточки перед монстром, разглядывая его пустым, холодным взглядом. Немного помолчав, достал из кармана пачку, вытянул сигарету и негромко спросил:

— Будешь?

Тут же на губах его промелькнула сухая, горькая усмешка. Он щелкнул зажигалкой и затянулся сам.

— Совсем забыл, что ты не разговариваешь.

Устроившись прямо на полу, он заговорил вновь — в голосе скользила ядовитая, злая издевка:

— И почему ты молчишь? Немота ведь удел тех, кому вырезали язык. А у тебя он, помнится, на редкость подвижный.

При этих словах во взгляде Пэй Чана блеснула ледяная ярость. Безумное, обжигающее наслаждение, которое он испытал прошлой ночью, навсегда врезалось в его память.

Но что бы он ни говорил, существо сидело неподвижно, точно каменное изваяние. Даже сейчас, когда от Пэй Чана так и веяло смертным холодом, монстр лишь безмолвно смотрел на него. В этом неотрывном взгляде читалась такая отчаянная сосредоточенность, словно чудовище пыталось навеки запечатлеть образ юноши в своей памяти.

Этот взор невыносимо раздражал. Скопившаяся в груди глухая злоба требовала немедленного выхода. Пэй Чан резко поднялся и с силой швырнул сигарету на пол — во все стороны брызнули мелкие искры.

Но легче не стало. Ярость по-прежнему душила его. Он достал вторую сигарету, прикурил, сделал пару коротких затяжек и вдруг занес тлеющий огонек над собственной ладонью, намереваясь потушить его о кожу.

Однако стоило ему замахнуться, как дорогу преградила чужая рука — огромная, с длинными бледными пальцами.

Пэй Чан вскинул голову. Сначала он посмотрел монстру в лицо, затем перевел взгляд на преградившую путь ладонь. На его губах змеилась жестокая усмешка. Перехватив сигарету, он с силой, до упора вдавил тлеющий окурок прямо в чужую ладонь.

Искры погасли, серый пепел посыпался вниз, а смятый фильтр уродливо деформировался под его пальцами.

Существо даже не вздрогнуло, словно вообще не чувствовало боли. Оно лишь продолжало смотреть на него — еще пристальнее, еще преданнее. Точно так же, как сегодня утром, когда Пэй Чан в ярости вырвал зубами кусок плоти из его плеча, монстр ответил лишь молчаливым, абсолютным прощением.

Прощение. Терпение.

Эти понятия задевали то, что Пэй Чан ненавидел сильнее всего. Глаза его налились кровью; в них бушевала такая свирепая злоба, словно он готов был прямо сейчас разорвать стоящее перед ним чудовище на куски.

Но Пэй Чан не осознавал, что за этой напускной жестокостью скрывалась глубокая, израненная хрупкость — расколотая, как тонкое стекло. Сам он не желал этого замечать, но монстр видел все до мельчайших подробностей.

Изувеченная ожогом рука медленно поднялась и бережно, едва ощутимо коснулась щеки Пэй Чана. А в глазах существа плескалась такая невыносимая, глубокая скорбь, готовая, точно раскаленная лава, сжечь юношу дотла, оставив лишь пепел.

Пэй Чан не понимал, откуда в этом взгляде столько печали. Сердце болезненно сжалось, точно его провернули в тисках, и внезапная, выжигающая изнутри боль захлестнула его сознание. Это было хуже, чем если бы в плоть вонзились тысячи раскаленных игл.

Он резко вскочил и попятился, едва не теряя равновесие. Эта необъяснимая, дикая мука гнала его прочь, заставляя бежать без оглядки. Он больше не мог выносить этот взгляд. Не мог смотреть в эти глаза.

Нужно уходить. Сейчас же. Немедленно!

Но стоило ему развернуться, как поперек живота легла тяжелая рука. Рывок — и Пэй Чана с силой притянули назад. Он широко распахнул глаза от неожиданности и рухнул прямо в объятия монстра.

— Пусти! — выдохнул он.

Прижатый спиной к чужой сухощавой груди, он тщетно пытался вырваться из железного

захвата на талии. Возле самого его уха раздалось тяжелое, прерывистое дыхание. Длинные, спадающие до самого пола волосы скользнули по плечу, укрывая его руку шелковистым покрывалом.

В висящем напротив огромном зеркале отразились их силуэты. Пэй Чан встретился взглядом с парой бездонных, черных как ночь глаз, которые пристально, неотрывно следили за каждым его движением. В этом взгляде беззвучно кричали немые вопросы.

«Куда ты собрался?»

«Зачем ты уходишь от меня?»

— Отпусти! Кому говорю, пусти, ублюдок!

Пэй Чан вцепился в держащие его предплечья, слясь подняться, но кольцо рук сомкнулось еще крепче, окончательно лишая его возможности пошевелиться.

Они были прижаты друг к другу так плотно, что Пэй Чан кожей чувствовал каждое биение чужого сердца. Как бы он ни пытался убедить себя, что перед ним лишь безмозглое чудовище, сейчас отрицать очевидное было невозможно: его удерживало сильное, горячее мужское тело.

Лицо Пэй Чана мгновенно пошло пятнами. Ощувив, как чужие пальцы грубо разводят его бедра, он в панике выкрикнул:

— Только попробуй!

Но существо лишь приподняло колено, бесцеремонно раздвигая его ноги в стороны. Из-за колоссальной разницы в росте и сложении Пэй Чан оказался в уязвимом положении — его разведенные ноги едва касались пола самыми кончиками пальцев.

Монстр перехватил обе его руки за запястья, прижав их к его же груди. Пиджак сполз до локтей, а ворот рубашки лишился нескольких пуговиц, обнажая шею. Чужой взор, полыхающий темным, извращенным вожделением, намертво зафиксировал жертву.

Он окончательно осознал: бессмысленное ожидание ни к чему не приведет. Он больше не мог выносить мысль о том, что на теле Пэй Чана останутся чужие запахи или следы, подобные тем, что он заметил вчера.

В этой крошечной тьме он давно переродился в ненасытного демона. Лишь грубое насилие и полное подчинение могли утихомирить ту постыдную страсть, что выжигала его изнутри.

Склонив голову к плечу юноши, он жадно вдохнул тонкий аромат его кожи. Родной, дразнящий

запах заставил пальцы монстра крупно вздрогнуть. Чудовище зарылось лицом в изгиб его шеи, и волна щемящей тоски вновь накрыла его с головой.

В его памяти Пэй Чан всегда оставался безупречно чистым, неприкосновенным. Но в следующее мгновение первобытный голод, смешанный с низменным вожделением, заставил кадык существа судорожно дернуться.

Длинный, влажный язык скользнул от ключицы вверх, оставляя влажный след до самого уха. Острые зубы зацепили и безжалостно сорвали пластырь на шее Пэй Чана.

Под ним обнаружили едва затянувшиеся следы от укуса — крошечные, аккуратные, похожие на две яркие родинки. На бледной, изящной шее они смотрелись порочно и возбуждающе.

С хриплым, прерывистым вздохом монстр вонзил зубы в то же самое место.

— А-ах...

Пэй Чан выгнулся всем телом, судорожно натянув носки. Его пробила крупная дрожь. Попытки освободиться ни к чему не привели — он лишь сильнее растрепал и без того измятую одежду.

Выступившие капли алой крови были тщательно, дочиста слизаны. Пэй Чан бессильно откинул голову, тяжело и часто дыша. Сейчас он был загнанной в угол добычей, не способной оказать даже малейшего сопротивления.

— Что тебе... от меня нужно? — прохрипел он, силясь сохранить на лице маску ледяного безразличия.

Монстр, разумеется, не ответил. Однако больше он ничего не предпринимал — лишь сильнее сжал руки на талии Пэй Чана, крепко прижимая его к себе.

В повисшей тишине Пэй Чан прикрыл глаза. Напряжение, сковавшее его мышцы, поддаваясь этому удушающему, но странно надежному объятию, начало постепенно таять.

«Надо же, до какой степени я одинок...»

Лишь одно объятие заставило всю его тщательно выстроенную защиту рухнуть, оставив лишь звенящее бессилие.

Усталость навалилась мертвым грузом. Пэй Чан окончательно закрыл глаза. Темные тени под веками, его вечные спутники, придавали лицу изнуренный, болезненный вид.

Тишина обволакивала их. Изнеможение, точно холодный туман, проникло под кожу, забирая последние крохи воли. Руки Пэй Чана безвольно опустились, и он провалился в глубокий, безмятежный сон.

Чужая ладонь бережно придержала его за подбородок, не позволяя голове упасть, и аккуратно уложила ее на свое худое, но крепкое плечо.

И в этой сонной полутьме бездонные, темные глаза существа продолжали молчаливо и недвижно созерцать отражение спящего юноши в зеркале.

На следующий день на стойку регистрации принесли еще одну посылку. На коробке было четко указано имя адресата — Пэй Чан.

Никто не ожидал, что отправитель объявится вновь. Помощник Сунь попросту не успел перехватить курьера — тот испарился прежде, чем подняли тревогу.

Записи с камер видеонаблюдения показали, что посылку доставил совершенно другой человек.

— Генеральный директор Пэй, — вошедший в кабинет помощник Сунь протянул боссу стопку распечатанных таблиц.

Внутри снова оказались данные за год проведения экспериментов, однако при детальном рассмотрении они незначительно отличались от предыдущих. Судя по записям, в организме подопытного началась критическая реакция отторжения, вызванная мутацией. Никаких имен, личных данных или хотя бы элементарных физиологических показателей в бумагах не содержалось — лишь сухие, перенасыщенные терминами профессиональные отчеты.

Помощник Сунь мельком глянул на шею шефа. Сегодня там красовался широкий медицинский пластырь — гораздо больше вчерашнего. Очевидно, Пэй Чан пытался скрыть под ним свежие отметины.

Отведя взгляд и сделав вид, будто ничего примечательного не заметил, Сунь выпрямился и доложил:

— Завтра утром на ресепшене будут дежурить наши люди. Стоит отправителю появиться, его тут же задержат.

Пэй Чан небрежно бросил листы на полированную поверхность стола.

— Начните проверку изнутри, с сотрудников корпорации, — ровным тоном распорядился он.

Посылку без обратного адреса невозможно отправить из другого города. Значит, кто-то местный целенаправленно маскируется и действует в пределах мегаполиса. К тому же после недавнего инцидента, когда у входа Пэй Чана караулил рыжеволосый юноша, охрану здания усилили. Постороннему просочиться на закрытую территорию теперь было практически нереально.

— Понял, — кивнул помощник Сунь и покинул кабинет.

Стоило ему прикрыть за собой дверь, как он нос к носу столкнулся с околачивающимся в коридоре генеральным менеджером Пэй. На этот раз Сунь не стал проходить мимо, а заговорщически замедлил шаг, пристально вглядываясь в лицо родственника босса.

Менеджер Пэй судорожно выудил из кармана платок, принявшись утирать обильный пот со лба. Улыбка на его лице выглядела донельзя виноватой и растерянной.

Помощник Сунь окинул его оценивающим взглядом с ног до головы и сухо обронил:

— На улице заметно похолодало, господин менеджер. Отчего же вы так обливаетесь потом?

— Возраст, почтенный возраст дает о себе знать, — натужно рассмеялся тот, торопливо отводя глаза.

Сунь лишь выразительно приподнял бровь и, не проронив больше ни слова, зашагал дальше по коридору.

Оставшись один, менеджер Пэй принялся воровато заглядывать в сторону кабинета генерального директора. С силой выкрутив взмокший платок, он вдруг сообразил, что оставляет за собой слишком явные улики, и поспешно вытер закапавший пол рукавом пиджака.

Старейшина Пэй велел ему лишь доставлять конверты, не вдаваясь в подробности. Менеджер, будучи человеком трусливым и нерешительным по природе, за эти несчастные два дня извелся до предела. Нервы уже сдавали. Он и понятия не имел, какие именно сведения передает. Но, судя по тому, что племянник вел себя как обычно, ничего страшного не происходило... Или все же происходило?

Пэй Чан сидел за столом, невидящим взором уставившись на два лежащих перед ним листа с показателями опытов. Его пальцы невольно потянулись к шее, нащупывая под пластырем след от чужих зубов.

Утром, обнаружив себя в объятиях монстра, он не стал устраивать сцен. Молча, с

удивительным хладнокровием высвободился, ушел в ванную и обработал рану. Он и сам не понимал, откуда в нем взялась эта странная, пугающая привязанность. За всю прошлую ночь он не увидел ни единого кошмара.

Пэй Чан прикрыл глаза и откинулся на спинку кожаного кресла. Перед мысленным взором неотвязно стояли те полные бесконечной тоски глаза, смотревшие на него сквозь полумрак.

Он крепко сжал губы, пальцы его судорожно вцепились в подлокотники. Странная, необъяснимая тревога ледяной змейкой заползла в самое сердце.

<http://bllate.org/book/20309/2131853>